КОМПОЗИТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ: АНГЛО-РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Ю.А. Дубовский, Т.Б. Заграевская

Аннотация. Представлены результаты сопоставительного анализа современных англо- и русскоязычных композитных лексических единиц в бизнес-коммуникации интернет-пространства. Определены основные черты композитных единиц как отдельных языковых образований, установлена их взаимосвязь с квазикомпозитными структурами, входящими в исследуемый эмпирический корпус. Рассмотрены взаимоотношения русского языка-реципиента и английского языка-донора при переходе англоязычных композитных единиц в русскоязычное дискурсивное пространство. Раскрыты особенности ассимиляции заимствованных композитных образований в узусе языка-реципиента: видоизменения их графической, фонетической, грамматической репрезентации. Анализу подвергнуты позиционность неассимилированного компонента в составе композитной лексической единицы, использование и наполнение заимствованной грамматической модели устоявшимся словообразовательным значением, приобретение заимствованными единицами аффиксации и производных форм. Приведены показатели частеречной принадлежности наиболее продуктивных групп композитных лексических единиц в английском и русском языках бизнес-коммуникации интернет-пространства, систематизированы вариативные характеристики последних в сопоставляемых дискурсивных форматах через установление конкретно-языковых и типологических черт. В результате проведенного исследования установлено следующее: несмотря на то, что изменения, происходящие с англоязычными композитными единицами при переходе в русскоязычную среду, обусловлены структурными, семантическими и лексико-грамматическими особенностями последней, специфика композита как своеобразного лексического образования во многом сохраняет свою типологическую идентичность. Среди доминантных черт при этом выступают квантификативный аспект (степень рекуррентности) и характер дистрибуции частей речи и их форм, участвующих в формировании композитных образований. Уникальными представляются одностороннее влияние английского языка-донора на русский язык-реципиент в части включения заимствованных композитных лексических единиц и их компонентов, а также трансформация их фонетических, лексико-грамматических и графических особенностей в ходе ассимиляции в новой языковой среде.

Ключевые слова: ассимиляция; бизнес-коммуникация; вариативность; композитное образование; компонент; рекуррентность; словосложение; частеречная принадлежность; узус.

Введение

Лингвистические проблемы, связанные с изучением разноплановых элементов системы языка в дискурсивных условиях, давно находятся в поле зрения ученых (см., например, [1–4]). Многие из возникающих вопросов в области лингвистики получают широкое освещение. В то же время следует признать, что по-прежнему существуют некоторые проблемные ситуации, которые не получают однозначной интерпретации и понимания среди лингвистов. Причины этого явления кроются в самой сути языка как сложной многогранной иерархически организованной системы, отражающей все многообразие окружающей действительности. Определенную сложность представляет вариативность функционирования языковых единиц в дискурсивных условиях [5, 6]. В частности, одним из таких нерешенных вопросов выступают статус композитных лексических единиц (КЛЕ) в системе языка, определение его сущностных характеристик и отличий от схожих языковых единиц, специфики его функционирования в дискурсивных условиях.

В настоящее время объем КЛЕ, отслеживаемый современной лингвистикой, неуклонно растет [4, 6–10]. В частности, этот процесс наблюдается в области бизнес-коммуникации интернет-пространства на материале английского и русского языков, что сопряжено с потребностью заполнения новых или формируемых понятийных лакун соответствующих лингвокультур, оптимизации в них многокомпонентных развернутых словосочетаний с семантически близким содержанием. Наравне с этими факторами увеличение КЛЕ в бизнес-коммуникации интернет-пространства согласуется с современной тенденцией глобализации торгово-экономических связей в области профессионального общения, созданием интегрированного терминологического аппарата, способствующего развитию экономического сотрудничества и открытой торговли, повышению экономического роста стран, созданию зон общего рынка.

Системное увеличение доли КЛЕ в бизнес-коммуникации интернет-пространства на материале английского и русского языков сочетается с появлением среди них широкого разнообразия структурных, графических, лексико-семантических форм. Их фиксация и лингвистическая интерпретация представляются особенно важными в случае возникновения отношений между контактирующими языковыми системами, наблюдаемых в ходе процесса заимствования элементов одной языковой системы из другой. Помимо этого, сопоставление современных англо- и русскоязычных КЛЕ в бизнес-коммуникации интернет-пространства значимо для понимания дифференцированности лексико-грамматических особенностей композитных единиц в разных языковых форматах.

В рамках данной статьи представлены результаты анализа влияния английского языка на русскоязычный корпус КЛЕ в бизнес-

коммуникации, а также приведены выводы по сопоставлению их частеречной принадлежности в дискурсивных условиях интернет-пространства.

Методика исследования

Методика исследования, примененная в ходе анализа КЛЕ, включала несколько этапов. Сначала были установлены статусные параметры КЛЕ, дифференцирующие последние от схожих дериватов, в частности аффиксальных словообразовательных единиц, в английском и русском интернет-пространстве бизнес-коммуникации. Далее были выявлены общие характеристики собственно композитов и квазикомпозитов, позволившие объединить их в единое исследовательское поле. На основе установленного перечня языковых особенностей КЛЕ был сформирован корпус эмпирического материала. В него вошли англо- и русскоязычные КЛЕ в бизнес-коммуникации, полученные в результате выборки из лексикографических печатных и электронных источников [11–14] и фрагментов дискурса бизнес-коммуникации интернет-пространства в формате деловых и аналитических изданий «Эксперт» [12], «The Economist» [15]. Общий объем выборки эмпирического материала составил 738 единиц. Затем осуществлялась поэтапная лингвистическая интерпретация эмпирического корпуса в терминах дефиниционного, компонентного, словообразовательного анализов. Параллельно с этим весь объем англо- и русскоязычных КЛЕ в бизнес-коммуникации интернет-пространства, вошедший в корпус, был подвергнут интерпретационному анализу семантики КЛЕ или их компонентов двумя группами информантов – участниками бизнес-коммуникации и наивными носителями русского языка. Данные их анализа позволили установить характер ассимиляции заимствованных КЛЕ или их компонентов в узусе русского языка-реципиента. Кроме того, комплексное сопоставление результатов всех этапов анализа позволило раскрыть интегративное содержание лексико-семантического наполнения КЛЕ, их структурной организации и их частеречной принадлежности в языковом сознании носителей русского языка и представителей бизнес-сообщества. На завершающем этапе были сформулированы типологически общие и дифференциальные характеристики исследуемых единиц.

Основная часть

Исследования КЛЕ, осуществляемые в различных областях лингвистического знания, накапливают данные об этом интереснейшем явлении системы деривации. Так, представление о характере словообразования композитных единиц складывается в аспекте дериватологии [7,

16–20], понимание композитов как результата концептуализации действительности предлагает когнитивистика [21], изучение динамики развития композитных структур в дискурсивных условиях находим в области организации современной речевой деятельности [22]. Однако статус КЛЕ в языке до сих пор не получает однозначного толкования ввиду сложности анализируемого деривата. Традиционное понимание КЛЕ базируется на объединении двух и более производящих мотивированных основ [23], например *mailshot*, *стоп-цена*. В подобных КЛЕ, именуемых как собственно композиты, принимают участие структурно-однородные компоненты, каждый из которых включает корень или равен ему. В противовес указанной группе дериватов выделяются аффиксальные словообразовательные единицы, например: *reducing*, *торговый*, в которых появление новых языковых форм связано с введением в их структуру аффиксов. В то же время ряд лингвистов фиксирует наличие промежуточной деривационной группы, получившей название квазикомпозитов (см., например, [9]), типа *eurodif*, *income*, *блицвизит*, *миропорядок*. Важнейшими характеристиками, дифференцирующими квазикомпозиты от собственно композитов, являются связанность составных компонентов в структуре их основы, наличие особенностей их членимости и непроеизводность [Там же. С. 13–22]. Квазикомпозиты предполагают включение одного или всех связанных компонентов в своем составе, в том числе интернациональных, в отличие от собственно композитов, где сочетаются два и более свободных элемента. Членимость квазикомпозитов зависит от связанности / автономности компонентов. Непроеизводность понимается как невозможность включения в состав квазикомпозита двух производящих основ, хотя и допускает возможность наличия одной основы, способной образовать словообразовательную цепочку.

Квазикомпозиты и собственно композиты имеют немало схожих черт. В частности, они обладают членимостью. Компоненты, входящие в состав обеих языковых групп, воспроизводимы в других языковых единицах. Как те, так и другие способны включать мотивированные корневые морфы и иметь свои значения. Полагаем, что наличие сходных черт между собственно композитами и квазикомпозитами позволяет включить две представленные группы языковых единиц в общее пространство КЛЕ, ставших объектом исследования в данной статье.

Отметим, что словообразовательный процесс КЛЕ в интернет-пространстве английского и русского языков обладает достаточной продуктивностью. Этот процесс сопровождается многоаспектными языковыми особенностями, такими как: 1) нейтрализация грамматического значения входящих компонентов; 2) фиксация заданного порядка следования морфем; 3) определение места словесного ударения; 4) причисление композитного образования к одному из лексико-

граммати-ческих классов; 5) приобретение морфологических характеристик и грамматических форм словоизменения; 6) использование заданного графического оформления соединения компонентов. Совокупно данные характеристики позволяют КЛЕ достичь фонетической, морфологической, семантической, графической цельнооформленности. Общей платформой словообразования композитных единиц вне зависимости от формата языковой реализации служит объединение двух, реже трех неаффиксальных морфем, между которыми устанавливаются сочинительные или подчинительные грамматические отношения, а также возможно появление синонимических, антонимических или ассоциативных семантических связей. При этом фиксация, изучение и систематизация слов данной категории позволяют утверждать, что словообразовательный процесс русскоязычных КЛЕ в бизнес-коммуникации интернет-пространства испытывает значительное влияние английской лингвокультуры, что проявляется в активном процессе заимствования из английского языка в русский как целых КЛЕ, так и их компонентов.

Общеизвестно, что взаимоотношения, возникающие при контактировании языковых систем в процессе заимствования, предполагают процесс ассимиляции заимствованной языковой единицы в языке-реципиенте. Таким образом, КЛЕ, являющиеся результатом процесса заимствования из английского языка в русский, проходят ассимиляцию как сложный и многоступенчатый процесс внедрения англоязычных элементов в русскоязычный узус. Этот процесс наблюдается на всем протяжении перехода КЛЕ бизнес-коммуникации английского языка в языковую систему русского. Указанный переход сопровождают фонетические изменения заимствованных языковых единиц, приспособление их к новым грамматическим законам, оформление с помощью лексических средств языка-реципиента.

Первоначальный этап внедрения КЛЕ в систему принимающего языка сопровождается сохранением ряда входящих компонентов своего иноязычного статуса, в том числе графического нетранслитерированного образа, например *товары-Actuals*, *call-центр*, *gps-навигатор*, *premi-um-аккаунт*, *live-трансляция*. Чаще всего такие КЛЕ включают один нетранслитерированный компонент. Второй же компонент имеет ассимилированный или исконно русский статус, что облегчает процесс интеграции единицы в языковое сознание принимающей системы. Одновременно с этим нетранслитерированный характер графической репрезентации позволяет сохранить исконную фонетическую оболочку, предотвращает от массового искажения звуков, приближает первоначальную звуковую форму к новым языковым условиям, стабилизирует фонетические структуры. Другими словами, в использовании нетранслитерированного входящего компонента видится стремление сохранить

произносительные нормы языка-донора. Это же обстоятельство затрудняет ассимиляцию подобных КЛЕ на других уровнях языковой системы. Трудности возникают на грамматическом уровне в аспекте подчинения композитных единиц существующим грамматическим категориям (род, число, падеж), а также на лексико-семантическом уровне – из-за отсутствия четкого семантического представления о нетранслитерированном компоненте.

Наличие, по крайней мере, одного из неассимилированных англоязычных компонентов в составе русскоязычных КЛЕ в бизнес-дискурсе интернет-пространства свидетельствует о незавершенности процесса интеграции [8. С. 5], например *директ-маркетинг*, *экстра-класс*, *идея-фикс*, *контр-баланс*. Эта группа русского языка объединяет КЛЕ двух типов: 1) образованные в англоязычной лингвокультуре, заимствованные и ассимилированные: *citymanager* – с англ. *сити-менеджер*, *production manager* – с англ. *продакшн-менеджер*, *road-manager* – с англ. *роуд-менеджер*, *promo action* – с англ. *промо-акция*, *sound producer* – с англ. *саунд-продюсер*, *sound engineer* – с англ. *саунд-инженер*, *city center* – с англ. *сити-центр*, *trust company* – с англ. *траст-компания*, *team leader* – с англ. *тим-лидер*, *transfer agent* – с англ. *трансфер-агент*; 2) образованные в русской лингвокультуре по заимствованной грамматической модели с установившимся словообразовательным значением, типа, *генно-модифицированный*, *экспресс-оплата*, *лофт-недвижимость*, *кросс-условие*.

Позиционное расположение неассимилированного компонента варьируется. В большинстве случаев неассимилированный компонент русскоязычных КЛЕ занимает инициальное положение, например *директ-маркетинг*, где *маркетинг* выступает как опорный свободный ассимилированный компонент, первоначально заимствованный из английского языка и вошедший в состав русскоязычного КЛЕ в качестве финального элемента. Аналогичная ситуация наблюдается при включении исконно-русского компонента в состав КЛЕ, например *бизнес-решение*. К этой же группе КЛЕ примыкают квазикомпозиты, имеющие инициальные интернациональные словообразовательные элементы: *экстра-класс*, *телебанкинг*, *мультимаркет*, *гипермаркет*, *инстаграм-директ*, *директ-мейл*, *контрброкер*, *контрпозиция*. Впрочем, незавершенность ассимиляции может распространяться на оба компонента, а входящие основы быть непроизводными, например *бренд-мейкер*, *имидж-мейкер*, *клип-мейкер*, *бизнес-вумен*, *бизнес-джет*, *мега-молл*.

Последующие этапы ассимиляции английских КЛЕ бизнес-коммуникации в узусе русского языка-реципиента сопровождаются аффиксацией и образованием производных форм, например *teletype* → *телетайпная*, *transfer* → *трансфертная* (не являясь собственно композитами в русском языке, эти заимствованные квазикомпозиты не только

перешли как готовые цельные единицы *телетайп*, *трансфер* в пространство русского языка, но приобрели грамматические формы словозменения и начали активно образовывать производные формы – *трансфертная*).

Появление дериватов КЛЕ, включающих исконные основы языка-реципиента, указывает на активность ассимилятивного процесса данных композитных единиц, например *правомерные* → *неправомерные*, *трудоспособность* → *нетрудоспособный*, *offshore* → *offshore company*. Помимо обозначенных явлений, на прогрессивный характер интеграции КЛЕ в узус принимающей языковой системы указывает появление семантически близких форм в языке-реципиенте в форме КЛЕ: *self-correction* → *самокоррекция* → *автокоррекция*; *welfare* → *благосостояние* → *благополучие*, *благоденствие*; или в форме некомпозитных языковых единиц: *cutting edge* → *передовой* → *современный*; *benchmark* → *мера* → *критерий*, *стандарт*; *offset* → *возмещение*, *вознаграждение* → *компенсирование*; *turnaround* → *оборот* → *цикл*. Так поэтапно англоязычные КЛЕ входят в русскоязычное дискурсивное интернет-пространство, ассимилируются и начинают активное функционирование.

Помимо взаимоотношений, возникающих при переходе англоязычных КЛЕ или их компонентов в русскоязычное дискурсивное интернет-пространство бизнес-коммуникации, интерес представляют соотношение объема англо- и русскоязычных композитных единиц и учет их лексико-грамматических особенностей в анализируемых дискурсивных форматах.

В рамках данной статьи нами был избран аспект частеречной принадлежности КЛЕ бизнес-коммуникации, обращение к которому позволило установить количество и вариативность композитных единиц, представленных в англо- и русскоязычном дискурсивных форматах интернет-пространства бизнес-коммуникации (рис. 1).

Из диаграммы на рис. 1 видно, что при существовании общих тенденций в сопоставляемых языковых дискурсивных форматах существуют различия в аспекте продуктивности словообразования КЛЕ с разной частеречной принадлежностью. Так, интернет-пространство англоязычной бизнес-коммуникации обнаруживает большую вариативность лексико-грамматических классов (Adj, N, Part, Adv, Conj, V), несмотря на низкий процент количественной представленности некоторых композитных единиц, не наблюдаемых в русскоязычном формате, например: V (6%) – *underwrite*, *short-sell*, *spotlight*, *shortlist*, *outline*, *overtake*, Adv (2%) – *up-to-date*, Conj (1%) – *whenever*.

Самые многочисленные группы КЛЕ также дифференцированы. В русскоязычном интернет-пространстве бизнес-коммуникации наибольшей представленностью обладает лексико-грамматический

класс прилагательных (51%), например *бюджетно-контрольный*, *внешнеторговый*, *внутрифирменный*, *денежно-кредитный*, *долгосрочный*, *евродолларовый*, *журнально-ордерная*, *капиталоемкий*, *первоклассный*, *приходно-расходный*, *промышленно-производственный*, *самоликвидный*, *товарно-транспортный*, *торгово-коммерческий*, *учетно-финансовый*. Сопоставительно доля прилагательных в англоязычном дискурсе бизнес-коммуникации (24%) значительно уступает представленности прилагательных в русскоязычном формате (51%).

Рис. 1. Распределение КЛЕ в англо- и русскоязычной бизнес-коммуникации интернет-пространства согласно их частеречной принадлежности

Тем не менее объем прилагательных в англоязычной бизнес-коммуникации занимает второе место по частеречной представленности КЛЕ. Полагаем, что такая репрезентативность свидетельствует о высокой продуктивности единиц лексико-грамматического класса прилагательных для дискурсивного формата англоязычной бизнес-коммуникации интернет-пространства: *over-confident*, *self-sufficient*, *cost-conscious*, *cost-effective*.

Самым многочисленным классом КЛЕ в англоязычном формате бизнес-коммуникации интернет-пространства оказался класс существительных (50%), например *cost-push*, *demand-pull*, *downtrend*, *eurodollar*, *forex*, *income*, *laissez-faire*, *mailshot*, *market-user*, *margin-call*, *Marshall-Lerner*, *offset*, *offshore*, *output*, *overdraft*, *overnight*, *payroll*, *rollover*, *shutdown*, *sticky-wages*, *stockbroker*, *stoploss*, *stop-out*, *supermarket*, *trendline*, *turnaround*, *under-employment*, *upbeat*, *brainwave*, *setback*, *breakthrough*.

В эту группу включены номинации, входящие в состав данного лексико-грамматического класса как результат словообразования вне зависимости от структурной модели, лежащей в основе их деривации, ср.: *forex* – noun (от foreign exchange), blending: Adj + N; *market-user* – noun, word composition N + N; *breakthrough* – noun, word composition + conversion V + Post adverb (от фразового глагола to break through). Дискурсивный формат русскоязычной бизнес-коммуникации интернет-пространства обладает практически равной репрезентативностью по сравнению с англоязычным (44%), например *автомат-кассир*, *баланс-экстерн*, *бизнес-имидж*, *демо-счет*, *директ-маркетинг*, *евробонд*, *еврокарточка*, *евроиена*, *зарплата*, *кэш-менеджмент*, *лимит-ордер*, *первозакладная*, *профит-фактор*, *стоп-ордер*, *трейлинг-стоп*, *форвард-курс*, *хэви-акция*.

Лексико-грамматический класс причастий также проявляет большую продуктивность КЛЕ в англоязычном интернет-пространстве бизнес-коммуникации: всего зафиксировано 17% английских КЛЕ и 5% русских. При этом англоязычные причастия в полученной выборке соотносятся с формами действительного и страдательного залога настоящего времени: Part. I Active Voice (10%) – *expenditure-reducing*, *expenditure-switching*, *eye-catching*, *fast-tracking*, *life-changing*, *energy-giving*, *decision-making*, *money-saving*, *space-saving*, *time-saving*, *long-lasting*, *law-abiding*, *top-selling*, *best-selling*, *overbooking*; Part. II Passive Voice (7 %) – *outward-oriented*, *upgraded*, *withdrawn*, *overcrowded*, *well-known*, *hand-made*, *well-designed*, *well-written*, *market-driven*. Русскоязычные композитные причастия обладают аналогичным языковым свойством: формы действительного залога настоящего времени (4%) – *жизнеобеспечивающий*, *структуроопределяющий*, *налогооблагаемый*, *планово-предупредительный*; формы страдательного залога настоящего времени (1%) – *генно-инженерно-модифицированный*, *внешне-ориентированный*. Сопоставительный анализ приводят нас к пониманию того, что среди подгруппы причастий, являющихся КЛЕ бизнес-коммуникации, в обоих дискурсивных форматах наблюдается большее стремление к формам действительного залога настоящего времени, нежели к формам страдательного.

Некоторые композитные образования имеют сложности идентификации их лексико-грамматической принадлежности, напр., *журнал-главная* N + Adj (*форма* бухгалтерского учета) – существительное, *greenback* Adj + N (*бумажные деньги*) – существительное, *turnaround* N + Prep (оборот, цикл) – существительное. Как видим, подобные КЛЕ могут следовать частеречной принадлежности как первого, так и второго входящего компонента в зависимости от значения. Однако идентичность лексико-грамматического класса одному из входящих компонентов – необязательное условие, например *break-even* (price) V + Adv

(*рентабельность, рентабельный*) → существительное / прилагательное (рентабельная цена); *джерсей-кривая* Letter J (существительное) + Adj (*линия* в форме буквы джей, отражающая временное ухудшение торгового баланса в результате снижения реального курса национальной валюты, ведущее к его последующему улучшению) → существительное; *растениеводческие* расходы N + V (расходы + разводить растения) → прилагательное.

Следовательно, основным параметром вхождения композитной единицы в тот или иной лексико-грамматический класс служат семантика (больше характерная для англоязычных композитных структур) и функциональность образуемой языковой единицы (больше характерная для русскоязычных композитных единиц). Одновременно с этим следует отметить, что не всегда семантически центральные единицы образуют КЛЕ, например *Eurodif* ← European Gaseous Diffusion Uranium Enrichment Consortium (Европейский газовый консорциум по диффузионному обогащению урана). Определенную сложность представляет собой наличие возможности безафиксального конверсионного перехода одной части речи в другую в англоязычном дискурсивном формате. Учитывая сказанное, в большинстве случаев установлению частеречной принадлежности КЛЕ в английском языке помогает реализуемая ими синтаксическая функция. Так, для композитных прилагательных определяющими будут атрибутивная функция и препозитивное расположение единицы перед определяемым словом, например *offshore company, household goods, after-tax profits, after-sales service, cross-price elasticity, deadweight debt, demand-pull inflation, end-of-year bonus, over-the counter market, point-the-figure chart, stoplimit order, open-plan office, overseas subsidiaries, one-stop shop, short-term decision, easy-to-read report, day-to-day work, off-duty officer, outdoor equipment*.

Заключение

Подводя итог рассмотрению взаимоотношений, существующих между англо- и русскоязычными образованиями в бизнес-коммуникации интернет-пространства, отметим, что интеграция англоязычных КЛЕ в русскоязычный дискурсивный формат происходит поэтапно и предполагает прохождение ряда трансформаций. Изменения, происходящие с англоязычными композитными единицами при переходе в русскоязычную среду, обусловлены структурными, семантическими и лексико-грамматическими особенностями русского языка как языка-реципиента. Влияние англоязычной системы способно сохраняться в части включения неассимилированных компонентов в структуре русскоязычных композитных единиц.

Типологически общей характеристикой для двух сопоставляемых дискурсивных форматов следует считать доминантную представленность в них композитных существительных и прилагательных. Конкретно-языковыми чертами признана большая вариативность лексико-грамматических классов в англоязычном интернет-пространстве бизнес-коммуникации (V – 6%, Adv – 2%, Conj – 1%) и показатели распределения количественного состава КЛЕ. В англоязычном формате бизнес-коммуникации интернет-пространства наибольшей представленностью обладают композитные существительные (50%), в русском – композитные прилагательные (51%). Англоязычные композитные прилагательные (24%) уступают русскоязычным (51%), более чем в два раза. Русскоязычные композитные существительные (44%) несколько уступают англоязычным существительным (50%). Лексико-грамматический класс причастий проявляет большую продуктивность в англоязычном дискурсе бизнес-коммуникации (17%), нежели в русскоязычном (5%). При этом типологически ориентированной чертой для двух сопоставляемых дискурсивных форматов можно считать превалирование причастий действительного залога настоящего времени (10% для английского дискурсивного пространства и 4% – для русского) по сравнению с причастиями страдательного залога (7% для английского дискурсивного пространства и 1% – для русского).

Объединение компонентов в состав КЛЕ приводит к переносу частеречной принадлежности одного из компонентов на все языковое образование либо к соотнесению полученного КЛЕ с иным лексико-грамматическим классом. Основными параметрами определения частеречной принадлежности КЛЕ выступают семантика (в большей степени характерная для англоязычных КЛЕ) и функциональность (больше характерная для русскоязычных композитных единиц).

Полагаем, что англо- и русскоязычные КЛЕ в бизнес-коммуникации интернет-пространства представляют интерес не только с позиции их частеречной принадлежности и характера влияния системы языка-донора на систему языка-реципиента. Одними из возможных направлений изучения указанной группы языковых единиц могут стать анализ межязыковых соответствий их морфермной структуры, исследование семантических отношений между компонентами КЛЕ как результата концептуализации действительности и их графическая репрезентация.

Литература

1. *Алюнина Ю.М., Нагель О.В., Комиссарова О.В.* Распознавание словообразовательной семантики суффиксальных неологизмов современного английского языка учебными билингвами // *Язык и культура*. 2017. № 39. С. 7–26.

2. *Гураль С.К.* Мировоззрение, картина мира, язык: лингвистический аспект соотношения // Язык и культура. 2008. № 1. С. 14–21.
3. *Гураль С.К., Митчелл Л.А.* О свойстве грамматической аутентичности речи обучаемых // Язык и культура. 2015. № 4 (32). С. 173–181.
4. *Просвирнина Л.Г.* Влияние экстралингвистических факторов на формирование новых сокращенных английских терминов // Язык и культура. 2016. № 4 (36). С. 126–134.
5. *Митчелл Л.А., Гураль С.К.* Использование Интернет-ресурсов в обучении иноязычной грамматики // Язык и культура. 2015. № 2 (30). С. 117–222.
6. *Шевченко М.А., Гураль С.К.* Цели, задачи, принципы и содержание обучения военных переводчиков иноязычному военному дискурсу // Язык и культура. 2017. № 40. С. 330–344.
7. *Василевская Е.А.* Словосложение в русском языке. М. : Учпедгиз, 1962. 132 с.
8. *Габдреева Н.В., Гурчиани М.Т.* Словарь композитов русского языка новейшего периода. М. : Флинта: Наука, 2012. 280 с.
9. *Клобуев Е.В., Гудилова С.В.* Языковая специфика непроемких сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 20. 139 с.
10. *Наугольных Е.А.* Окказиональное сложное слово Дж. Джайса: специфика и перевод // Язык и культура. 2017. № 38. С. 70–79.
11. *Экономический словарь.* URL: <http://grindi.ru/slovar/jekonomicheskij-slovar/%D0%94>
12. *Эксперт online.* URL: <http://expert.ru/>
13. *Macmillan* English dictionary for advanced learners. Second edition. London : Macmillan Publishers Limited, 2009. 1748 p.
14. *Oxford* advanced learners dictionary. Sixth edition. Oxford : Oxford University Press, 2004. 1539 p.
15. *Economics dictionary.* URL: http://econclassroom.com/?page_id=3196
16. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
17. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М. : КомКнига, 2005. 224 с.
18. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
19. *Мешков О.Д.* Словообразование современного английского языка. М. : Наука, 1976. 245 с.
20. *Шишолова А.О.* Типология новейших композитов русского языка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 4 (192). С. 49–53.
21. *Кубрякова Е.С.* Коммуникативная лингвистика и новые задачи словообразования // Сб. научных трудов Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза. М., 1982. Вып. 186. С. 118–127.
22. *Русская грамматика.* Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 789 с.
23. *Улукханов И.С.* Словообразование. Морфонология. Лексикология. М. : Логос, 2012. 600 с.

Сведения об авторах:

Дубовский Юрий Александрович – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Россия). E-mail: dubovsky@pgu.ru
Заграевская Татьяна Борисовна – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Россия). E-mail: zagraevskaya@yandex.ru

Поступила в редакцию 12 ноября 2019 г.

COMPOSITE LEXICAL UNITS IN MODERN INTERNET BUSINESS COMMUNICATION: ANALYSIS OF ANGLO-RUSSIAN CORRESPONDENCE

Dubovsky Yu.A., D.Sc. (Philology), Professor, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia). E-mail: dubovsky@pgu.ru

Zagrayevskaya T.B., D.Sc. (Philology), Professor Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia). E-mail: zagrayevskaya@yandex.ru

DOI: 10.17223/19996195/48/4

Abstract. The article presents the results of a comparative study of modern English and Russian composite lexical units in the Internet business communication. Main features of these units, as independent language formations, and a correlation between composite structures proper and quasicomposite ones are outlined. Special attention is paid to the peculiarities of assimilation of English borrowed composites in the Russian discourse usage – modifications of their graphic, phonetic and grammatical presentation. Also analyzed are the position of a non-assimilated component in the composite structure, the use and filling of the borrowed grammatical patterns by a well-established word-formative meaning, the acquisition of affixation and derivative forms by the borrowed units. Some data on the part-of-speech properties of the most productive groups of English and Russian composites functioning in the Internet business communication, variable features of the latter are considered and systematized. It is ascertained that despite the fact that changes taking place in the English composite units while being borrowed by the Russian discourse usage are determined by structural, semantic and lexico-grammatical features of the latter, the specific character of the composite as a distinctive lexical formation retains its typological identity in many ways. Among the dominant ones are the degree of recurrency and the character of distribution of parts of speech and their forms in composite units.

Keywords: assimilation; business communication; variation; composite units; component; recurrence; compounding; part-of-speech affiliation; usage.

References

1. Aljunina Ju.M., Nagel' O.V., Komissarova O.V. Raspoznavanie slovoobrazovatel'noj semantiki suffiks'al'nyh neologizmov sovremennogo anglijskogo jazyka uchebnymi bilingvami // *Jazyk i kul'tura*. 2017. № 39. P. 7–26.
2. Gural' S.K. Mirovozzrenie, kartina mira, jazyk: lingvisticheskij aspekt sootnoshenija // *Jazyk i kul'tura*. 2008. №1. P. 14–21.
3. Gural' S.K., Mitchell L.A. O svojstve grammaticheskoi autentichnosti rechi obuchaemyh // *Jazyk i kul'tura*. 2015. №4(32). P. 173–181.
4. Prosvirmina L.G. Vlijanie jekstralingvisticheskikh faktorov na formirovanie novyh sokrashhennyh anglijskikh terminov // *Jazyk i kul'tura*. 2016. № 4(36). P. 126–134.
5. Mitchell L.A., Gural' S.K. Ispol'zovanie Internet-resursov v obuchenii inojazychnoj grammatiki // *Jazyk i kul'tura*. 2015. №2 (30). P. 117–222.
6. Shevchenko M.A., Gural' S.K. Celi, zadachi, principy i sodержanie obucheniya voennyh perevodchikov inojazychnomu voennomu diskursu // *Jazyk i kul'tura*. 2017. №40. P. 330–344.
7. Vasilevskaja E.A. Slovoslozhenie v russkom jazyke. Moskva: Uchpedgiz, 1962. 132 p.
8. Gabdreeva N.V., Gurchiani M.T. Slovar' kompozitov russkogo jazyka novejshego perioda. M.: Flinta: Nauka, 2012. 280 p.
9. Klobuev E.V., Gudilova S.V. Jazykovaja specifika neproizvodnyh slozhnyh slov (kvazikompozitov) // *Jazyk, soznanie, kommunikacija*. Vyp. 20. M.: MAKSS Press, 2001. 139 p.
10. Naugol'nyh E.A. Okkazional'noe slozhnoe slovo Dzh. Dzhajsa: specifika i perevod // *Jazyk i kul'tura*. 2017. № 38. P. 70–79.

11. Economics dictionary. Rezhim dostupa: http://econclassroom.com/?page_id=3196
12. Jekspert online. Rezhim dostupa: <http://expert.ru/>
13. Macmillan English dictionary for advanced learners / Second edition. London: Macmillan Publishers Limited, 2009. 1748 p.
14. Oxford advanced learners dictionary / Sixth edition. Oxford: Oxford University Press, 2004. 1539 p.
15. Jekonomicheskij slovar'. Rezhim dostupa: <http://grindi.ru/slovar/jekonomicheskij-slovar/%D0%94>
16. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e, stereotipnoe. M.: Editorial URSS, 2004. 576 p.
17. Zemskaja E.A. Slovoobrazovanie kak dejatel'nost'. M.: KomKniga, 2005. 224 p.
18. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sov. jenciklopedija, 1990. 685 p.
19. Meshkov O.D. Slovoobrazovanie sovremennogo anglijskogo jazyka. M.: Nauka, 1976. 245 p.
20. Shisholina A.O. Tipologija novejsih kompozitov russkogo jazyka // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. №4 (192). P. 49-53.
21. Kubrjakova E.S. Kommunikativnaja lingvistika i novye zadachi slovoobrazovanija // Sb. nauchnyh trudov Moskovsk. gos. ped. in-ta inostrannyh jazykov im. M. Toreza. M., 1982. Vyp. 186. P. 118-127.
22. Russkaja grammatika. T. 1. Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija // Gl. red. N.Ju. Shvedova. M.: Nauka, 1980. 789 p.
23. Uluhanov I.S. Slovoobrazovanie. Morfonologija. Leksikologija. M.: Logos, 2012. 600 s.

Received 12 November 2019